

Марина Ветрова ✦ Камила Левитан

# Измена мужа.

Ты выгнал меня из дома,  
а шейх сделал хозяйкой дворца!

**Камила Левитан  
Марина Ветрова**

**Измена мужа. Ты выгнал  
меня из дома, а шейх  
сделал хозяйкой дворца!**

*<https://litres.ru/74694852>*

*SelfPub; 2026*

**Аннотация**

Десять лет я любила мужа и верила, что мы вместе навсегда. А потом застала его любовницу в своём халате.

Оказалось, Дима променял меня на карьеру: женится на дочери влиятельного человека и получит долгожданное кресло командира.

Мне оставили собранный чемодан и сменили замки.

Я решила спастись привычным способом — работой в небе.

Но на борту частного самолёта меня ждал единственный пассажир: Халид, которого я знала ещё бедным студентом.

Теперь он богатый шейх.

И он не забыл ту девушку, что восемь лет назад делила с ним горький кофе.

Почему он искал меня все эти годы?

И смогу ли я снова довериться любви?

# Содержание

|                                     |    |
|-------------------------------------|----|
| Глава 1. Чужой халат                | 4  |
| Глава 2. Пассажир из снежной Москвы | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента.   | 21 |

# **Марина Ветрова, Камила Левитан**

## **Измена мужа. Ты выгнал меня из дома, а шейх сделал хозяйкой дворца!**

### **Глава 1. Чужой халат**

Часы для него купила в той самой мастерской на Тверской, где ремесленники гравировали по латунии под старину. Десять лет мы были вместе, восемь жили под одной крышей, и за это время успела выучить: Дима мечтает о часах с гравировкой «Первый самостоятельный». Погоны командира — вот чем он дышал, вот о чём говорил за ужином, за воскресной уборкой, в постели, засыпая у меня на плече.

Везла свёрток в бархатной коробке через всю Москву и прижимала к животу, оберегая от чужих локтей. В метро на меня косились — взрослая женщина, в форме, улыбается сама себе, — а сдержать улыбку всё равно не удавалось: вот он развернёт коробку, замрёт и выдохнет «Вер-р-р», растягивая моё имя на три вдоха.

Дверь нашей квартиры — моей, между прочим, купленной, пока Дима «набирал налёт», — оказалась приоткрыта. Между косяком и полотном чернела узкая щель. Из щели тянуло чужими духами: что-то сладкое, ванильное, не моё. Мой дом пах, как отдел женских духов в переходе. Секунд десять простояла в подъезде с подарком и уговаривала себя: от соседей натянуло, через вентиляцию, да мало ли откуда.

Толкнула дверь плечом. Сумка с подарком соскользнула с запястья при первом же взгляде в коридор. Бархатная коробка ударилась о пол тупо, беззвонко — и где-то внутри у меня что-то стукнуло так же.

В моей прихожей, на моей вешалке, висело пальто цвета спелого персика. В моей ванной шумела вода. На коврик в ванной, видном сквозь распахнутую дверь, лежала чужая мочалка, цветная, с бахромой. А по коридору, живая, домашняя, в моём халате — в белом с серыми котами, в том самом, который мама привезла из Пензы и который я надевала только по воскресеньям, когда мы с Димой делали уборку под старые песни, — шла Карина Соболева. Волосы у неё были собраны в пучок моим незамысловатым крабиком, на ногах — мои тапочки.

— Ой. — Карина остановилась и поправила пояс халата. Испуга на лице и следа не было. Короткое «ой», как в магазине, где кончился нужный размер.

Вода в ванной смолкла. Дима вышел из неё босый, с полотенцем на шее, и мокрые следы его ступней на кафеле вдруг

заслонили всё остальное. Воздух вышел из груди до последнего глотка; пришлось выпрямиться, упереться каблуками в пол и дышать коротко, лишь бы удержаться на ногах.

— Вер. — Он перекинул полотенце на другое плечо и остановился передо мной. Вот что оказалось страшнее всего — эта его готовность к разговору. Лицо спокойное, слова заготовлены. Таким тоном он объявлял задержку рейса. — Ты рано. Я думал, до вечера.

— Рано. — Стиснула ремень сумки, подняла подбородок. Голос держался вопреки дрожи внутри. — Я летела через полгорода, чтобы вручить тебе подарок.

Карина усмехнулась и потёрла ладонью рукав — мой рукав, мой халат. Крабик в её волосах блеснул. Мой крабик. Я купила его за сто пятьдесят рублей в «Фикс Прайсе», а на её голове дешёвая заколка вдруг сделалась свидетельством: здесь уже успели обжиться.

— Вероника, давай без сцен. Здесь всё по-взрослому уже решено.

— Карина. — Дима поморщился и мотнул головой в сторону кухни; в этом оклике слышалось «не так», хотя хотелось услышать «уйди».

— Дай людям поговорить, — Карина сделала шаг мимо меня, легко, почти касаясь плечом, и добавила уже в коридоре, не оборачиваясь: — Полотенца в шкафу кончились, Дим. Твои серые в стирке.

Мои серые полотенца, в моей стирке. Карина направилась

к кухне, а сдвинуться с места всё ещё не получалось: домашнюю жизнь уже поделили, пока хозяйка возвращалась с подарком.

Наклонилась за сумкой и убрала выпавшую коробку внутрь. Десять лет бизнес-авиации приучили: подбери упавшее, расправь плечи, оставь панику за дверью служебного отсека, пассажиры её видеть не должны.

— Гравировку не выбивай. — Вынула коробку и протянула ему. — Вернёшь в магазин.

— Вероника, сядь, пожалуйста. — Дима провёл полотенцем по шее. — Давай по-человечески. Ты же взрослая женщина.

— Я стою в собственной прихожей, Дима. Куда мне ещё садиться — на чужой чемодан?

Чемодан стоял тут же, бросаясь в глаза, как чужой халат: чёрный, на колёсиках, мой. Уже собранный, с застёгнутой молнией. Аккуратно, по всем правилам — тяжёлое вниз, лёгкое сверху. Дима укладывал наши вещи даже лучше меня, его сборку всегда можно было узнать.

— Восемь лет думала, это нежность, твои сборы. — Коснулась чемодана, потянула к себе. — А теперь ты упаковал меня, придвинул к выходу. Освободил место другой.

— Замки уже поменяли. — Кивнув на дверь, он переложил коробку. Всё так же деловито, в лоб. — Ключи у Карины. Тебе остаётся подписать документы, я оставил на кухне. Квартира остаётся за тобой, я не претендую, ты же знаешь,

я не из-за этого.

— А из-за чего?

Карина дошла до кухни, по-хозяйски шлёпая моими тапочками, и мы с Димой остались в коридоре, под нашей фотографией с Сейшел: два загара, две белые улыбки, восемь лет назад. Я тогда ещё боялась летать с пересадками, и он держал меня за руку в аэропорту пересадки и говорил: «Вер, мы всегда будем летать вместе». Летать вместе.

— Из-за кресла. — Дима поставил подарок на тумбу и отодвинул чемодан. — Командирские погоны, Вер. Я десять лет второй пилот. Второй. Ты знаешь, что это значит — каждый день сидеть справа и смотреть, как кто-то другой держит штурвал. — Он говорил всё быстрее, разогреваясь, привычным голосом, голосом, каким он годами рассказывал мне об этом за ужином, и уже привычно кивнула в сочувствие; пришлось выпрямить шею, прекратить это. — Соболев мне обещал. Но с условием. — Он замолчал. Впервые за весь разговор у него дрогнули губы. — Карина. Он отдаёт мне кресло, только если я женюсь на Карине.

В наступившей тишине отчётливо звякнула чашка на кухне. Моя чашка. Из моего сервиза.

— И ты согласился. — Отступила, упёршись спиной в стену.

— Вер...

— Ответь. Словом. Ты согласился?

— Я лётчик. — Он потянулся к моему плечу, но тут же

отдёрнул руку. Вот и ответ. — Мне тридцать три. Через пять лет будет поздно.

— А я что, помеха? — Оттолкнулась от стены, встала напротив. — Скажи прямо, хотя бы раз. Даже самое плохое объявление лучше этой неизвестности. Я мешала твоим погонам все десять лет? Каждый вечер за ужином — мешала?

— Ты не мешала, — он отвёл глаза и посмотрел на полотенце в своих руках. — Ты просто была не решением.

— Я была квартирой. — Подхватила сумку и отстранилась от него. — И графиком, который никто не двигал. Удобно, когда у одного в семье небо, а у другого тыл.

Он промолчал. И это молчание запомнилось крепче всех его оправданий.

Кивнула, принимая и этот ответ. Где-то теперь полагалось плакать — десять лет вместе, восемь под одной крышей, — а глаза лишь жгло от сухости. Это правило выучила раньше, чем научилась расстёгивать жилет одним движением: стюардесса не плачет на борту. А эта квартира последний год была бортом — пахла керосином его командировок, гудела его будильниками в четыре утра. Не здесь. Не на борту.

— Документы на кухне, — повторил он. — Распишись, пожалуйста. И ключи оставь.

— Замки сменили. — Достала связку и сняла ключ от подъезда. — О каких ключах речь?

— Для порядка.

Карина выглянула из кухни, уже с бутылкой воды — из

моего запаса в холодильнике, закупленного на неделю вперёд, творог, кстати, тоже мой, — открутила крышку и обратилась ко мне ласково, почти по-сестрински:

— Вероника, не принимайте так близко. Это же небо. Тут никто никому ничего не должен.

— Тут как раз всем всё должно. — Положила ключ на тумбу и обошла Карину. — Банку — кредит, семье — время, экипажу — дисциплину. Так что вы с Димой, Кариночка, редкие счастливые люди.

Прошла на кухню. Стол был чистый — ах, конечно, чистый, она вытерла его моим полотенцем, — на нём лежала папка: синяя, аккуратная, с наклейкой «Личные документы». Наклейку он распечатал на принтере. Шрифт с закорючками. Он всегда любил, чтобы всё было красиво. Ручка лежала сверху, моя ручка, из моего ящика, та самая, которой я подписывала годовые отчёты.

— Договор, соглашение о разделе. Согласие на выписку... — Сняла ручку с папки, перелистнула бумаги и вернулась к началу. — Меня ещё и выписать собрались?

— Мне нужен чемодан. — Отодвинула папку от себя и положила рядом сумку. — Остальное потом.

— Чемодан твой, он же твой. — Дима подкатил его ко мне и вытянул ручку. — Карина, отдай ей куртку из шкафа. Вер, я закажу тебе такси.

— Не надо. Я лётный состав. Мне положен трансфер.

Доложила в чемодан свои вещи, которые нашлись в моей

половине шкафа, забрала с полки паспорт и лицензию, документ на квартиру оставила лежать. Подпись под соглашением так и осталась пустой строкой. Взяла ручку, стиснула, а пальцы тут же онемели. Три секунды держала её над бумагой, цепenea, хотя десять лет исправно заполняла боржурналы. Тошнота опередила слова отказа. Положила ручку, потянула чемодан к выходу. На пороге обернулась. Карина стояла у мойки и мыла мою любимую кружку — ту, с надписью «Лучший экипаж», — и сушила её своим полотенцем. От этого домашнего движения заныло под ложечкой: любимая кружка стала чужой.

— Удачи. — Обвела их взглядом и вышла. Голос звучал устало. Так прощаются с экипажем после тяжёлого рейса.

В лифте достала телефон и открыла смену графиков. Всё по-честному: у меня был резерв, значит, могли дёрнуть в любой момент. Набрала диспетчера и прижала телефон к уху.

— Гусева. Что есть из срочного?

— О, Вер! Есть бомба, берёшь? Срочный чартер, Москва — Эмираты, вылет через четыре часа, маленький борт, один пассажир. Претензий по допускам нет, ты в списке согласованных. Двойная ставка, суточные по-максимуму.

— Беру.

— Вот и молодец. Слышь, Вер... — диспетчер замялась. — Ты чего такая спокойная? Обычно ты сначала ругаешься.

— Не на борту. — Отключила вызов, всё ещё прижимая телефон к щеке.

В аэропорту прошла досмотр, надела свежую форму из запасной смены в шкафчике, собрала волосы и подошла к зеркалу служебной комнаты.

Только имя единственного пассажира диспетчер так и не назвала.

## Глава 2. Пассажир из снежной Москвы

В зеркале проверила себя: усталые глаза, прямой хвост, ровные пуговицы. Никто бы не сказал, что два часа назад у этой женщины сменили замки в её собственной квартире. Поправила петлицы, сказала отражению «привет, красотка» — Гелино выражение, прилипло, — и вышла на предполётный осмотр. Борт встретил меня знакомым запахом гермокабины и кожей кресел. Погладила дверной косяк, здороваюсь со старым напарником. Вот он, дом. Шестьдесят тонн, четыре двигателя и ни одного предателя.

Пассажирский список пришёл на планшет поверх открытой карты предполётного осмотра. Один пассажир. Мужчина. Без указания имени — просто строка: «ВИП, сопровождение по договорённости с принимающей стороной».

Приходилось спешить. Проверяла кислородные маски быстрее обычного, читала аварийные карточки наизусть, как читаю их всегда, — и когда на ступеньках появился он, встретила его у входа в салон с улыбкой приветствия, отработанной тысячу раз.

А потом улыбка умерла у меня на губах.

Этого человека знала. Узнала бы среди тысячи пассажиров, в любой толпе. Даже спустя восемь лет.

Вспомнилась тёмная подсобка в Москве, восемь лет назад: студент-практикант из Питера варил мне кофе в медной турке и извинялся, что горчит.

Восемь лет назад я была второй год в небе и жила на съёмной квартире с однокурсницей, а в нашу компанию на практику прислали троих студентов из Питера. Двое дулись и ждали конца смены. Третий — тонкий, черноглазый, с акцентом, который слышался только на длинных гласных, — носил кофе всем дежурным диспетчерам и варил его сам, в турке, на газовой горелке в подсобке. По персональной карточке он значился Халидом. Фамилия в российских бумагах сокращалась до чего-то невозможно короткого, и мы звали его просто — студент.

Он мыл за собой чашку, благодарил за каждую мелочь с таким серьёзным поклоном, что девчонки хохотали. Практиканты спрашивали: «А покажите кабину». Он спрашивал у меня: «А вам не тяжело стоять весь рейс?». Тогда ответила: «Ноги — расходный материал». Смутилась от его внимательного взгляда, рассмеялась и ушла в служебный отсек — впервые за год такая неловкость.

Той зимой Москву парализовал снегопад. Мы сидели в опустевшем офисе ожидания — мой рейс задержали на девять часов, за окном намело такие сугробы, что машины во дворе стали холмами, — и он варил мне кофе, потому что больше варить было некому. Все разошлись по домам, все, кроме него — у него не было права уйти из здания, и меня

— у меня не было сил дойти до гостиницы.

— Горько? — Он заглянул в мою чашку и придвинул сахарницу поближе.

— Горько. — Обхватила тёплую чашку и поднесла к губам. — Но согревает.

— Тогда пейте. — Он убрал турку и погасил горелку. Тон серьёзный, как при важном решении. — Горькое согревает лучше сладкого.

— Это ты сейчас придумал или у вас дома так говорят?

— У нас говорят: путник и в горьком найдёт тепло, если идёт не один. — Он склонился к турке и улыбнулся. — Я упростил.

Достала из сумки бутерброд и разделила пополам.

— Ешь. Кофе на пустой желудок — плохой ужин.

— Спасибо. До стипендии ещё неделя. — Он взял половинку, откусил и смущённо улыбнулся.

Он опёрся на стол рядом со мной; на длинном смуглом пальце засохла капля кофе, а до моего запястья оставалось совсем чуть-чуть. Тогда мелькнула мысль: вот бы значить что-нибудь для такого человека. А потом его отозвали, пришлось улететь, и следующие восемь лет прошли под одной крышей с Димой, мечтавшим о чужих погонах.

Теперь этот студент входил в салон. За восемь лет он повзрослел. Он стал тем, кем его сделали годы и деньги — тяжёлые часы, костюм, который сидит так, как сидит только костюм дороже моей годовой зарплаты. И осанка. Он шёл

по салону, как человек, которому этот салон принадлежит. Вполне возможно, так и было.

— Добро пожаловать на борт. — Отступила, приглашая в салон. Голос, к счастью, выдержал. — Наш полёт займёт пять часов двадцать минут.

Он остановился в двух шагах от меня. Карие глаза — те же, — но взгляд теперь был не студенческий. Под его пристальным взглядом вдруг стал тесен воротничок.

— Гусева. — Он скользнул взглядом по бейджу, поднял глаза к моему лицу. Фамилия прозвучала утвердительно. Он помнил меня, надпись служила лишь предлогом.

— Старший бортпроводник Вероника Гусева. Вы всё помните про кислородные маски, я уверена.

Уголок его рта дрогнул.

— Вы всё ещё горький кофе пьёте? — Он опустился в кресло и положил телефон рядом, на боковую панель.

— Предпочитаю сладкий чай. — Расправила перекрученный ремень, подала ему пряжку — привычка. — Пристегнитесь, пожалуйста.

— Как скажете. — Он защёлкнул пряжку и откинулся. Такая лёгкая уступка настораживала. У мужчин, привыкших распоряжаться, послушание порой пугает сильнее приказа.

Всю дорогу обслуживала его безупречно, удерживая внимание на работе. Между первой подачей и уборкой столика, когда снимала поднос, Халид следил за каждым движением; подняв глаза, сразу встретила с тяжёлым, изучающим

взглядом. Один раз он заговорил со мной. Погода его занимала мало.

— Вы не пьёте воду. Весь полёт.

— На борту я не пью. Работа.

— Кто вас так учил?

— Небо. — Унесла поднос, привалилась к стенке служебного отсека и отдышалась. Знакомое лицо. Знакомый голос с длинными гласными. Совпадение, Гусева. Мир огромен. Студенты вырастают и летают чартерами. Не создавай себе романтику на пустом месте, Гусева, у тебя и так день такой, что хватит на три биографии.

В Эмиратах у выхода ждали чёрные машины, люди в белых кандурах кланялись моему пассажиру, торопились принять его вещи. Встречали его, до меня им дела не было. Меня оттеснили в сторону; оставалось привычно взять чемодан и отправиться искать такси или гостиницу при аэровокзале — и тут он обернулся.

— Гусева едет со мной.

— Простите. — Шагнула вперёд, поставила чемодан между собой и машиной. — Но у меня завершён рейс. Меня отель устроит, завтра утром...

— Гусева едет со мной, — повторил он тем же тоном, каким говорят «уберите шасси».

Фарид — сухой человек в очках, начальник протокола, как я потом узнала, — тонко сжал губы.

— Шейх Халид, гостевые апартаменты не подготовлены

для сопровождения...

— Готовьте. — Халид отвернулся от Фарида и открыл дверцу. Одно слово — и спор кончился. Фарид кивнул с похоронным видом.

Меня привезли во дворец. За воротами открылся огромный дом из светлого камня; встречающие распахивали тяжёлые двери, пропуская меня внутрь. Запах уда, густой, смолистый, и кофе с кардамоном откуда-то из глубины дома. Меня проводили в комнату — высокую, прохладную, с кроватью, на которой можно спать поперёк, и окном в сад, где фонтаны шумели в темноте. На туалетном столике лежали халат, тапочки, расчёска — всё новое, всё моего размера. Моего размера. Посреди комнаты стало зябко: откуда у них даже размер обуви? Какая осведомлённость, прямо до мелочей. Слежка, отполированная до вежливости.

— Мне нужно связаться с диспетчером и узнать про обратный рейс. — Достала телефон и проверила сеть. — Борт, наверное, стоит на техобслуживании. Через два дня у меня смена.

Фарид выслушал всё это с лицом человека, выслушивающего жалобы на погоду.

— Ваш паспорт, Гусева-ханум, будет на хранении у меня. Это стандартная процедура для гостей дома. Ваш распорядок составлен. Телефон на время адаптации также будет у меня.

— Простите. — Отступила от столика и заговорила очень

медленно. — У кого адаптация? У меня или у вас?

— У вас. — Фарид раскрыл папку и вынул расписание. — У нас всё в порядке.

— А если у меня завтра начнётся реальная смена? Меня будут искать.

— Никто не ищет тех, о ком позаботились. — Фарид выждал, пока отдам паспорт, затем потребовал телефон. Получив и его, вышел. Тяжёлая дверь захлопнулась; звук прокатился по всему дому.

Вечером мне принесли ужин — лепёшки, баранину, финики, чай в стакане с мятой, — и пришлось устроиться с тарелкой на краю огромной чужой кровати. После каждого кусочка возвращались всё те же мысли: где Дима, что делает Карина в моём халате, и почему меня, взрослую женщину с десятью годами неба за плечами, запирают во дворце, как гостью из девятнадцатого века. Баранина была восхитительная. Ела и злилась, что восхитительная, — хотелось, чтобы у похищения были хоть какие-то недостатки.

Телефон унесли вместе с паспортом. На столике осталось только расписание. Обратному рейсу места в нём не нашлось.

Легла в одежде поверх покрывала и долго смотрела в потолок, где по карнизу ползла тень от фонтанной струи.

А потом заплакала. Тихо, без всхлипов, просто покатались слёзы в уши, в подушку, — только мокрый воротник подсказал, что уже плачу. Впервые за десять лет. Не на бор-

ту — на земле, в чужом дворце, в чужой стране, с одним чемоданом. Дима почти исчез из мыслей; среди ночи стало до боли ясно: оплакиваю собственную жизнь. Плачу за восемь лет ужинов, за кредит за его тип-рейтинг, за кружку «Лучший экипаж», которую она мыла своим полотенцем.

Села, вытерла лицо рукавом и обратилась к себе вслух, в пустую комнату:

— Дура. Стюардесса не плачет на борту.

— А здесь не борт. — Дверь открылась, и Халид остановился в проёме, пропуская вперёд свет из коридора.

Без пиджака, в белой рубашке, он оставался таким же чужим. Лицо серьёзное. Смотрел прямо на мои слёзы.

— Уходите. — Подтянула покрывало, заслонила мокрый воротник. — Вы не имели права меня сюда привозить.

— Имел. — Он шагнул в комнату, прикрыл дверь и остановился у столика. — Я заплатил за этот рейс. И за этот дом. И, если понадобится, за то, чтобы у вас был обратный рейс. Пока — не понадобится.

— Это называется «похищение». — Спустила ноги с кровати и упёрлась ступнями в прохладный пол. — В моей стране за такое сажают.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.